

УДК 821.161.1.09-3

Лексико-стилистические особенности триединства «портрет – интерьер – пейзаж» в современной русской репортажной прозе

А. В. Романова

Романова Анна Владимировна, ассистент кафедры «Русский язык как иностранный», Пензенский государственный университет, annakras92@mail.ru

В данной статье на примере трёх текстов репортажной прозы рассматриваются лексико-стилистические особенности выражения триединства «портрет – интерьер – пейзаж». Описание интерьера и предметов быта дополняют портретные характеристики. Особое внимание уделяется месту портрета персонажей в рамках структуры всего материала, а также его связи с вещественной обстановкой и пейзажными зарисовками.

Ключевые слова: репортажная проза, триединство «портрет – интерьер – пейзаж», художественный образ.

Поступила в редакцию: 23.04.2020 / Принята: 28.04.2020 / Опубликована: 31.08.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Lexical and Stylistic Peculiarities of the 'Portrait – Interior – Landscape' Trinity in Contemporary Russian Journalistic Narrative

A. V. Romanova

Anna V. Romanova, <https://orcid.org/0000-0002-5835-0973>, Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia, annakras92@mail.ru

The article deals with the lexical and stylistic peculiarities of expressing the 'portrait – interior – landscape' trinity as exemplified in the three journalistic narratives. The description of the interior and household items is complemented by portrait characteristics. Particular attention is paid to the role of the characters' portraits in the structure of whole narrative, as well as to its connection with the physical setting and landscape descriptions.

Keywords: journalistic narrative, 'portrait – interior – landscape' trinity, artistic image.

Received: 23.04.2020 / Accepted: 28.04.2020 / Published: 31.08.2020

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-338-342>

Как и в художественной литературе, в репортажной прозе мы нередко встречаем «триединство», подчинённое максимальному погружению в проблему: портрет – интерьер – пейзаж.

Репортажная проза стремится не только осветить факт, но и дать ему оценку, в развёрнутом виде передать чувства персонажей и эмоциональный отклик самого автора. В этой связи

уместным является обращение к портрету героя репортажной прозы как к составной части художественного образа.

Проблемой создания портрета и определением его места в структуре всего произведения занимаются многие лингвисты и литературоведы.

Б. Е. Галанов в книге «Искусство портрета»¹ определяет место портрета в структуре художественных произведений многих авторов, показывает ёмкость этого понятия, уделяет внимание тому, как автор отражает свои симпатии или антипатии к герою.

Через укрупнение тех или иных портретных черт можно раскрыть внутренний мир персонажа. В рамках одного репортажа не представляется возможным в полной мере передать характер и мотивы поступков героя, однако благодаря многообразным возможностям портретных характеристик автор приближается к желаемому результату. Пространные описания и излишние подробности жизни заменяются ёмкими деталями внешности.

Портрет отражает не только эмоционально-психологические черты героя, его социальный статус, возраст и прочее, но и всегда соответствует художественному строю всего произведения и авторскому ведению его значительности.

Л. И. Кричевская, рассуждая о важности портрета в книге «Портрет героя», выделяет также особенности поведения персонажа, отмечая значимость описания жестикуляции наравне с внешними чертами: «В зависимости от значительности жеста, от его весомости мы воспринимаем его то как простое действие героя, то как непосредственный, зримый поступок»².

Запечатление особенностей мимики и жестикуляции отражает внутренние переживания описываемого героя в определённый момент времени.

Но не только портрет и описание поведения необходимы для исчерпывающего представления героя. Вещественная обстановка способна не менее красочно отобразить внутренний мир: «Вещи, неодушевлённые предметы могут приобретать внешнее, "портретное" сходство со своим хозяином, косвенно выявляя особенности его характера».

А. П. Чудаков в книге «Слово – вещь – мир: от Пушкина до Толстого»³, помимо детального разбора пейзажей и портретов, обращается к предметной детализации окружающей обстановки

ки. Бытовые предметы и интерьер в целом играют важную роль в раскрытии характера персонажей.

«Люди и вещи, создаваемые художником, содержат только те элементы и только в тех соотношениях, какие нужны для того, чтобы они могли выполнять свое назначение»⁴, – Л. Я. Гинзбург также отмечает необходимость словесного описания как внешности, так и материальной среды обитания.

Жанры, которые использовались для описания темы умирания деревень, отличны от тех, что были раньше. В связи с глобальным развитием массовой коммуникации и тем, что Интернет охватывает всё большую аудиторию, авторам репортажной прозы необходимо максимально погружать читателя в описываемую конкретную ситуацию и вместе с тем в саму проблему угасания жизни в деревнях.

Печатному тексту неоткуда искать «поддержки»: здесь невозможен ни визуальный, ни аудиальный ряд; все детали, звуки, запахи передаются с помощью лексико-синтаксических средств языка.

Так как главная задача репортажа – показ ситуации изнутри, нельзя придумать ничего более приближённого к читателю, чем персонаж, который живёт в описываемой ситуации, испытывает эмоции и делится своими мыслями насчёт происходящего. Он не только может высказать своё мнение как сторонний наблюдатель, но через описание его внешности, быта, в котором он живёт, читатель не только «слышит», но и «видит» его.

Жизнь в деревне всегда была нелёгкой: постоянный изнуряющий труд с раннего утра и до ночи. Однако крестьянская жизнь ассоциируется с радостью труда, преемственностью традиций, честной и достойной жизнью. В умирающих сёлах сейчас не осталось молодых и работающих людей: те, у кого была возможность, перебрались в город, остались лишь старики и пьяницы, которым некуда ехать. Тяжёлый, безрадостный быт отражается на внешности. Автор использует это, показывая параллель между непростой жизнью и её отпечатком на внешности персонажей.

В репортаже И. Найдёнова «Последнее лето»⁵ говорится о московском художнике Иване Коршунове, который написал портреты своих последних земляков. Вместе с корреспондентами «Русского репортёра» он приехал на свою малую родину, чтобы лично познакомить нас с героями своих работ.

Автор репортажа сразу даёт развёрнутое описание деревенской семьи: «Рядом с тётъ Тамарой теними в её тени – трое. Невестка, похожая на юношу и так ргутно из-за застенчивости передвигающаяся по дому, что невозможно зафиксировать её образ. Сын Роман, он же Ромка, молчаливый, сторбившись сидит на табуретке; он несколько месяцев назад как освободился, год сидел за ерунду, как и большинство здешних:

буйство по пьянке, по жизни – то здесь то там, всегда был бедовый, отец держал его в узде, а как умер, тот и расслабился... Внук Даниил, он же Даня, с оленьими глазами, дичок, недоласканный – если погладить по тому месту на его ёжиковой голове, где раньше был родничок, то сразу обмякает». Главная героиня репортажа Тамара получает исчерпывающую характеристику – «тень», остальные три персонажа – «тени в её тени»; на их внешность наложила отпечаток беспросветная жизнь в умирающей деревне. Отсидевший муж, его неприметная жена и их недолюбленный сын. В их внешнем виде и поведении всё говорит об отсутствии радости бытия, жизненной силы.

Лейтмотивом всего репортажа идёт идея покорности судьбе: эти люди ни на что уже не надеются и ни во что не верят. У них не осталось сил бороться за лучшую жизнь: «Отрешенность – главное в их взгляде. А ещё – покорность судьбе, отсутствие мечты и вот это исконно наше, корневое, испокон века примиряющее с тем, что происходит за окном пятистенка: “не жили хорошо, и нечего начинать”».

Важной портретной чертой главной героини является бельмо на глазу; этот факт автор упоминает в лиде материала: «...пятнадцать глаз и одно бельмо, глядящих сквозь тебя, тебя не замечая, из печальной и зыбкой темноты отходящей в вечность, отдающей Богу душу русской деревни». И далее автор подробнее останавливается на этой портретной особенности, потому что за ней стоит одна из печальных историй, которые так часто случаются в деревенской глуши, где проблемы со здравоохранением являются нормой: врачи упустили наличие инфекции, и глаз не удалось спасти.

Автор акцентирует внимание на том, как именно Тамара рассказывает об этом: «...буднично рассказывает, машинально: дескать, так уж у нас всё здесь, и никак иначе».

Отсутствие веры в хорошее будущее предопределяет и дальнейшую жизненную позицию: «Тётъ Тамара собирается как-нибудь съездить и посмотреть. Но сообщает об этом с такой отрешённостью в голосе, что понятно сразу: это “как-нибудь” никогда не настанет, всё ограничится замыслом». Угасший интерес к жизни самих персонажей репортажа перекликается с фактом умирания русских деревень.

Внешность героя представлена в неразрывной связи с материальной средой обитания. Мы встречаем детали интерьера, способствующие воплощению авторского замысла. Здесь ортодоксальность деревенской обстановки граничит с разрушением и упадком. С одной стороны, это «традиционные горки из подушек, принакрытые крючковым вязаньем», «четыре портрета на стенке рядком», «дневной сумрак деревенского дома»; с другой – «картофельные грядки, кумачовые газовые баллоны и шлепанцы, купленные в

районной лавочке “все по сто”». Приём контраста усиливает разницу между прошлым и настоящим.

«Строгая птица села на крест. Соблазняет верещагинской метафорой. Да и крест от птицы не отстаёт – покосился, как и предписано канонном деревенской прозы». В таких пейзажных зарисовках читатель чувствует авторскую боль от увиденного: в милых сердцу картинах слишком много печали. Пейзаж позволяет как раскрыть эмоциональное состояние героев, так и выразить собственные переживания.

Рассмотрим триединство «портрет – интервью – пейзаж» в других материалах репортажной прозы.

В статье М. Ахмедовой «Почтальон»⁶ репортёр вместе с почтальоном из деревни Чёрная Речка проводит два дня в деревенской глуши, помогая разносить пенсию. Для нас представляют интерес описание быта и портреты местных жителей, которые чудом выживают в этом заброшенном месте, практически без следов цивилизации.

Описание портрета главного персонажа репортажной прозы – почтальона Вячеслава Переверзева – не даётся. Вместо этого автор использует косвенные речевые характеристики, т. е. передаёт речь героя посредством собственных ремарок и атрибуции диалогов.

«Среди всех средств анализа особое место принадлежит внешней и внутренней речи персонажей. Их поведение, переживания писатель переводит на язык слов, тогда как, изображая речь человека, он пользуется той же системой знаков, и средства изображения тождественны тогда изображаемому объекту».

Прямая речь персонажей заключает в себе свидетельство достоверной трактовки их внутреннего состояния самим автором: «Слово персонажа может стать до предела сжатым отражением его характера, переживаний, побуждений, своего рода фокусом художественной трактовки образа».

В первой части материала, где мы впервые знакомимся с почтальоном, для косвенных речевых характеристик автор не использует нейтральные глаголы говорения, такие как «сказать», «ответить», «спросить» и др. Выбор глагола напрямую зависит от эмоции, с которой персонаж говорит. Так, разговоры об упадке деревни сопровождаются гневом и резкой жестикულიцей: «последнее слово он произносит с харканьем, будто мороз попал в горло», «дед дёргает рукой в сторону, словно отбрасывает от себя что-то», «рыкает дед и бултыхает картошку в кастрюлю», «выкрикивает он», «дед давится собственными словами», «он переводит дыхание, давится воздухом».

Когда речь заходит о его самоотверженной помощи одному из односельчан, его реплики наполняются гордостью и торжеством: «подпрыгивает дед», «декламирует он», «торжественно отвечает дед», «довольно потирает он руки».

Представляет интерес приём сравнения, используемый автором: «Ставлю сковороду на гудящую печку. Кажется, в ней сидит кто-то живой, рычащий, возмущённый и похожий на деда». Или: «Воспроизводя всё, что он говорил врачам, дед рычит и гудит, как перетопленная печка». Старый почтальон сравнивается с русской печью, которая пышет жаром, трещит, стонет, но её жар не находит выхода.

Вместе с речевыми характеристиками мы встречаем описание внутреннего вида дома почтальона: «В кухне сырой диван, стол у окна, поленница у стены и умывальник. В комнате старый полированный сервант с посудой, трюмо, стол, уставленный цветами в горшках, и кровать». Разумеется, данная обстановка не претендует на комфорт, однако всё необходимое для жизни у него есть.

Одна деталь особенно привлекает внимание, – это большое количество цветов в горшках. Это говорит о том, что человек следит за своим жилищем по мере своих способностей, он ещё готов жить и бороться за нечто лучшее и большее, хотя его односельчане уже опустили руки: «Да и я знаю, что я – последний сельский почтальон. Но пока живы эти старики, я им еще нужен».

Первый дом, в который они заходят, – это дом местной продавщицы. «Открывает немолодая женщина с крашеными рыжими волосами и с большим золотым крестом в декольте». Единственный персонаж, которому немного удалось приспособиться к непростой жизни в заброшенной деревне: она накопила достаточно денег для безбедной старости. «У неё в кухне газовая колонка, плита и стол с печеньем, конфетами, бубликами и сыром». Автор намеренно даёт читателю эту информацию. В этой глуши такие обыденные вещи как плита и колонка – настоящие предметы роскоши.

Полной противоположностью жизни в достатке в предыдущем доме выступает семья Ермолаевых. Вот какой портрет даёт нам автор: «Сын хозяйки – в клетчатых ситцевых штанах и рубашке, с каштановыми волосами до плеч, с гнойной болячкой над губой и с топором в руках – подходит ко мне близко и улыбается. Задерживаю дыхание. Сын подмигивает материнской спине, ее широкому тазу, кости которого раз и навсегда разошлись. На каком ребенке? Четвертом? Пятом? Если бы она вовремя остановилась, этого человека в ситцевых штанах и с гнойной болячкой на губе могло бы и не быть. И чему он так счастливо улыбается? И кому подмигивает постоянно?»

Вещи, окружающие персонажей в их повседневной жизни, не только помогают максимально точно передать атмосферу дома, но и играют важную роль в характеристике героя, способствуют раскрытию авторского замысла. «В доме с порога сшибает запах – обволакивающий, перекрывающий дыхание. У окна железная

кровать, укрытая шерстяным одеялом. Подушки без наволочек – жёлтые, в пятнах. У двери печка, неровно обмазанная глиной, на ней чугунок и кошка».

Несмотря на свой возраст, молодой человек по-прежнему живёт с матерью. Читатель понимает, что он психически не здоров: он остановился в своём развитии на уровне десятилетнего ребёнка. Поэтому и вещественная обстановка соответствующая: «Между рамами низкого окна мелкие пластмассовые игрушки: медвежата, ёлочки, пупсы». Среди нищей атмосферы запущенного дома детские игрушки выглядят жалко, неуместно.

Позже автор вспоминает, что забыла отдать конфеты, которыми её угостили в первом доме: «Щупаю разбухший карман – и вдруг представляю ермолаевского сына завтра с конфетой из моего кармана за щекой. Он стоит у печи, на которой дохнут кошки, и шоколадно улыбается Христу». В воображении предстаёт взрослый молодой человек, который как ребёнок радуется конфете, – это сравнительная портретная характеристика, позволяющая без многословных описаний понять душевную болезнь персонажа репортажной прозы.

Интересен приём олицетворения объекта материальной обстановки – календаря с изображением Иисуса Христа: «Встречаюсь глазами с Христом, до сих пор незамеченным, – на бумажном календаре в углу. Христос как Христос, с каштановыми волосами до плеч, только взгляд у него чересчур веселый, и смотрит он постоянно в сторону ермолаевского сына».

Автор отмечает сходство между молодым человеком и изображением святого: у обоих длинные каштановые волосы и счастливый взгляд. «Чему они радуются? – думаю я, глядя то на сына, перемигивающегося с Христом, то на Христа, отвечающего ему улыбкой. Неужели не замечают этого запаха, невыразимого словами, но способного убить все живое в считанные дни?»

Из-за болезни молодой человек не осознаёт происходящего вокруг, его мир ограничивается убогой избой, грязной кроватью и нетопленной печью, а радость приносит горсть леденцов.

Интерьер и портрет в данном случае идут совместно, выступают единым целым. Портрет позволяют представить атмосферу этого старого сельского дома, а интерьер отражает внутреннее состояние персонажа.

Репортажи И. Найдёнова «Последнее лето» и М. Ахмедовой «Почтальон» имеют одну общую выразительную деталь, некий художественный образ – образ заброшенных деревенских домов. Их описания могут выступать в качестве окружающей обстановки и в качестве некоторой портретной зарисовки. Последнее становится возможным благодаря приёму олицетворения, использованному обоими авторами. Сравним: «А чащи такие, что и не подумаешь, будто в них

может притаиться дом, в котором еще совсем недавно обитало семейство. Заходим в один брошенный, в другой неряшливый, в третий потрепанный. Хозяева перед отъездом вывезли вещи подчистую – вплоть до полов. Дома-бомжи, дома без определенного места жительства. Хочется их приютить». Или: «Дома прячутся за высокими заборами и стараются быть незаметными – как будто боятся, что сегодня-завтра их тоже снесут». Дома наделены чувствами: одни опустевшие, брошенные, вызывающие жалость своим видом; другие – напуганные участью, которая их ожидает в недалёком будущем.

Материал Н. Боженовой и Л. Кукушкиной «172 соска и одна женщина»⁷ – это своеобразный очерк жизни единственной доярки в колхозе деревни Ручки, былого аграрного величия которого не помнит уже целое поколение.

«Доярка тётя Нина Бреднякова, худенькая женщина в сером потрёпанном халате, гремит ведрами в подсобке. Ее утро начинается одинаково уже 34 года», – такой перед читателем предстаёт главная героиня репортажной прозы. Бесконечная череда ранних подъёмов и тяжёлой физической работы наложили отпечаток на её внешность: «Ситцевая косынка прикрывает гладкие чёрные волосы. Резкие морщины, тёмные круги под глазами». Она сама называет свою работу адской, но изменить течение жизни она не может: «Я почти всегда одна в коровнике. Сюда идти некому, вся молодёжь спивается...». Нина Бреднякова трудится в коровнике, потому что другой работы нет, к тому же ей необходимо обеспечивать мать, помогать детям и внукам.

В подтверждение слов самой героини репортажа о том, что это адская работа, автор описывает обстановку: «У фермы кривые, потемневшие от времени ворота. Ржавые петли скрипят пронзительно, будто открываются врата ада».

Здание фермы как аллегория ада на земле проходит через весь материал: «В священных книгах утверждают, что ад – это мучение темнотой в присутствии света. Бог дарит свет, а темнотой правит дьявол с рогами и хвостом. В коровнике слышен звон железных цепей. Тетя Нина подставляет бидон под очередного рогатого “дьявола”». Масштабное сравнение вечной адской тьмы с тем, что доярке вот уже 34 года подряд приходится вставать в 3:30 утра, чтобы прокормить семью; грохот железа – это цепи, которыми прикованы грешники; а корова – образ рогатого дьявола.

«Круги ада у Данте – это расплата за грехи человеческие. Доярке тётя Нине грешить некогда: она ходит на работу, следит за хозяйством, растит внуков. Её ад – следствие ее праведности. Собственная честность замыкает круг, из которого невозможно вырваться». Использование аллюзии на поэму Данте в очередной раз помогает ощутить всю безнадежность положения героини репортажной прозы. Её бесконечный круг ада – это непрерывная работа с утра и до ночи.

Итак, в данной статье наше внимание было сосредоточено на выявлении связи между портретом персонажей репортажной прозы и интерьером, пейзажем. Портрет является неотъемлемой частью репортажной прозы; он служит не только характеристикой героя, но и позволяет дать авторскую оценку ему посредством отбора определённых лексико-стилистических средств языка.

Описание портрета персонажа и его поведенческих характеристик создают комплекс внешних черт человека: автор может как подчеркнуть соответствие внешности и внутреннего мира героя, так и, в противовес, указать читателю на контраст между ними.

Посредством отбора портретных характеристик автор способен передать собственные чувства и эмоции, а также раскрыть духовный мир персонажей материала. Фокусируя внимание читателя на том, что кажется наиболее значимым или характерным для персонажа или обстановки, автор выражает субъективное отношение к происходящему.

В анализируемых материалах портрет всегда взаимосвязан с материальной обстановкой. Интерьер носит характер взаимодополнения. С помощью описания конкретных предметов быта автор подчёркивает связь между ними и персона-

жами, показывает взаимосвязь внутреннего мира и вещественного окружения.

Умело использованное триединство «портрет – интерьер – пейзаж» помогает читателю внимательнее присмотреться к описываемому явлению, способствует трансляции авторского отношения к изображаемому.

Примечания

- 1 См.: Галанов Б. Искусство портрета. М. : Сов. писатель, 1967. С. 20–58.
- 2 Кричевская Л. Портрет героя : Пособие для учителей-словесников и студентов гуманитарных вузов. М. : Аспект-пресс : Астра семь, 1994. С. 97.
- 3 См.: Чудаков А. Слово – вещь – мир : от Пушкина до Толстого : Очерки поэтики русских классиков. М. : Современ. писатель, 1992. С. 101–120.
- 4 Гинзбург Л. О литературном герое. Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1979. С. 174.
- 5 См.: Найдёнов И. Последнее лето // Русский репортёр. 2018. № 14–15 (454). С. 33–39.
- 6 См.: Ахмедова М. Почтальон // Русский репортёр. 2012. № 23 (252). С. 38–42.
- 7 См.: Боженова Н. 172 соска и одна женщина // Русский репортёр. 2011. № 40 (218). С. 40–42.

Образец для цитирования:

Романова А. В. Лексико-стилистические особенности триединства «портрет – интерьер – пейзаж» в современной русской репортажной прозе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 338–342. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-338-342>

Cite this article as:

Romanova A. V. Lexical and Stylistic Peculiarities of the 'Portrait – Interior – Landscape' Trinity in Contemporary Russian Journalistic Narrative. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 338–342 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-3-338-342>